Настоящее - борьба, будущее - свобода!

ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ

№ 2(5) 1990

ИЗДАТЕЛЬ АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЮЗ

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

В работе "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта" К.Маркс справедливо отметил тот факт, что великие исторические события повторяются дважды - "первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса".

Если охарактеризовать в целом политическую ситуацию, которая сложилась на сегодняшний день в СССР, то вывод будет таков: фарс, основа которого заключается в том, что завершение контрреволюционного переворота названо имперскими правящими кругами "революционной перестройкой"! То, что было великим 72 года назад; то, что было революционным, пролетарским, сегодня является мелкобуржуазным, обывательским, пошлым.

Что же было великим в далёком 1917 году?- Прямое революционное действие пролетарских масс. Главное в них - неприятие государственности и антибуржуазность, желание самим устроить свою жизнь, наладить производство, контролировать революционный порядок. В Советах пролетариат желал видеть вольные учреждения трудовой общественности, форму, с помощью которой он бы подавлял сопротивление эксплуататоров, а не арену для грызни политических партий и их лидеров.

. В работе "Хлеб и воля" П.А.Кропоткин совершенно верно отмечал, что "Социал-демократы признают не только революционную диктатуру, но они сторонники диктатуры над пролетариатом. Рабочие интересны для них постольку, поскольку они являются дисциплинированной армией в их руках. Социал-демократия стремится, посредством пролетариата забрать в свои руки государственную машину".

И действительно, в последствие Советы были объявлены государственной формой диктатуры пролетариата. Даже чисто лингвинистическое несоответствие слов "Советы" и "Диктатура" большевиков не смущало. Тем более, что всё можно было объяснить диалектикой, которую рабочие "учили не по Гегелю," а марксисты довели, говоря словами Бакунина, "до шалости, до разврата".

Что такое "диктатура пролетариата" идеолог революционного анархизма не раз показывал в своих работах. Разоблачая её антипролетарскую сущность Бакунин писал: "... никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя, и что она способна породить и воспитать в народе, сносящем её, только рабство; <u>свобода может быть создана только свободой</u>; т.е. всенародным бунтом и вольной организацией рабочих снизу вверх" /М.А.Бакунин, "Государственность и анархия"/.

Орудием диктатуры, "винтовкой рождающей власть," явилась партия, замаскировавшаяся под названием "коммунистической.

<u>Что же на сегодня представляет из себя КПСС?</u> Начиная как эпигон мелкобуржуазного якобинизма, пройдя через термидор и бонапартизм, она превратилась в имперскую буржуазную партию. Её деятельность принесла огромный вред рабочему и коммунистическому движению.

Но это лишний раз доказало, что с помощью Государства, а тем более в одной стране / и в группе стран/ коммунизм построить невозможно. Отказавшись от курса на мировую революцию, большевики положили начало контрреволюционному перевороту. Сегодня же, заговорив о демократии и правовом государстве, доводят его до логического конца. "Государственники во что бы то ни стало" они ни в коем случае к коммунизму не стремятся. И это вполне объяснимо, ибо коммунизм - это, прежде всего, отсутствие государства, и следовательно, отсутствие привилегий для власть имущих. Коррупция, связь с мафиозными группами, кровавые преступления против народа - вот результат деятельности КПСС! С таким багажом в коммунистическом движении делать нечего!

Сегодня лишь прямое революционное действие может говорить о коммунизме! Парламентская болтовня, игра в демократию лишь морочит голову пролетариату, уводит его в сторону от революционного пути.

См. стр. 2

ослабив политический режим, КПСС разрешает и наличие игрушечной внутрипарламентской оппозиции. Кто же пыжится обозначить её ряды?

Во-первых, межрегиональная группа депутатов в составе видных экономистов, историков, юристов и других учёных. Особый интерес представляют работы экономистов, входящих в эту группу. При всей своей государственной и буржуазной направленности они не лишены здравого смысла. А именно, в той части, где говорится, что экономику нужно перестраивать по принципу снизу-вверх, на основе разгосударствления и трудовой коллективной собственности. Но все их труды страдают одной, общей для всех, болезнью - постепенностью и компромиссом. Этот недуг реформаторов отмечал и П.А.Кропоткин, который писал в книге "Век ожидания": "Всякая реформа - всегда компромисс с прошлым; она всегда довольствуется большим или меньшим его изменением; между тем, как революция порождает руководящую идею для будущего. Как бы ни малы были результаты, достигнутые революционным путём, они всегда являются залогом дальнейшего прогресса. Реформа оглядывается на прошлое. Революция смотрит в будущее и далеко обгоняет свой век". К межрегиональной группе примыкает Б.Ельцин, его имя, в силу вождистских иллюзий, довольно популярно в народе, где он слывёт за "левого коммуниста". На самом деле Ельцин является наследником термидорианцев 20-х гг.

Во-вторых, это различные вариации народных фронтов. Не имея ни чёткой организационной структуры, ни позитивных программ эти организации занимаются тем, что упражняются на все лады в расхваливании демократии и парламентаризма, что весьма на руку имперским властям. Народные фронты - это прибежища для ранее мучимого социальной импотенцией интеллигента. Теперь же, повесив на грудь трёхцветный значок, он с"полным правом" считает себя борцом за свободу и справедливость. Социальная база фронтов в целом состоит из право-либеральной интеллигенции во главе с профессорами и писателями. Их кредо можно выразить тремя словами, перефразируя известное место из Грибоедовского "Горе от ума": Жужжим, братец, жужжим!

Было бы несправедливым умолчать о том, что к Народным фронтам примыкают люди /в основном это студенчество/, которые стремятся к радикальным переменам не только на словах, но и на деле. Они охотно сотрудничают с внепарламентскими левыми группами. Впоследствие часто вступают в их ряды и направляют свою энергию в революционное русло.

В-третьих, это партия "Демократический Союз". В их лозунгах сквозит тенденциозный подход к историческому прошлому и современной действительности. Ориентацией на капитализм они расписываются в метафизичности своего сознания. Манящий свет демократизма, т.е. скрытого тоталитаризма, приковал всё их внимание. Желая придать своим взглядам историческую сообразность, Идеологи ДС извращают историю русского Учредительного Собрания. Достаточно внимательно прочитать стенограммы собрания, чтобы убедиться в мертворождённости этого института. Период осени 1917 года очень сложен. Именно тогда схлестнулись две силы, желавшие подчинить себе революционное движение народных низов: мелкобуржуазность в лице правых "социалистических" партий и имперский монополизм большевиков. Если ещё вчера, когда Демократический Союз шёл на открытую конфронтацию с властями, его деятельность представляла интерес, то сегодня, распавшись на целую кучу, порой анекдотичных, фракций, эта партия, похоже, превращается в место тусовки политических дилетантов.

В-четвёртых, это "Память" и родственные ей патриотические организации. Вдохновляемая писателями Распутиным, Ивановым, Беловым "Память" откровенно обнажила свою русофильскую физиономию. Нам, анархистам, претит всякая националистическая пропаганда. Противопоставление одного народа другому - есть ультрареакционная политика, т.к. вместо интернациональной классовой борьбы патриоты приучают народ видеть врагов в своих братьях другой национальности. Закавказье убедительно показало к чему может привести подобная политика.

История в полной мере подтвердила правоту М.А.Бакунина, который говорил, что "... патриотизм без свободы есть дурной патриотизм". Это не означает, что отдельный народ не должен развивать свою национальную культуру и национальные традиции. "Каждый народ,- писал Бакунин, - является коллективным существом, обладающим как физиолого-психологическими, так и политико-социальными особенностями, которые индивидуализируют его, отделяя от всех других народов". Остаётся только сожалеть, что естественное различие народов, обусловленное национальными и культурными особенностями, до сих пор продолжает служить основой для конфронтации и розни.

Как носитель "высшей государственной добродетели" / именно так Бакунин характеризовал патриотизм/ "Память" неспроста находит общий язык с провокаторами из ОФТ, которые, спекулируя на имени пролетариата, мечтают о власти и твёрдой руке.

Вывод из вышеприведённого анализа таков: все политические партии по своей природе реакционны; все они рвутся к власти -к власти любой ценой! - и поэтому являются врагами Революции и Пролетариата!

Кто же противостоит всей этой компании?- Немногочисленные левые организации, деятельность которых тем не менее ощутима.

Конфедерация Анархо-Синдикалистов объединяет группы 28 городов страны, которые занимаются пропагандой анархизма и синдикализма. Московская группа "Община" сумела заявить, и заявить достаточно громко, что анархизм в стране не погиб, что он жив и действует. Московские товарищи смогли / и в этом их главная заслуга/ творчески переработать теоретические положения классиков анархизма, связать их с сегодняшним днём. /Справедливости ради надо отметить, что автор этих строк имеет ряд принципиальных теоретических разногласий с группой "Община"/. Думается, что приняв более чёткие организационные структуры, КАС сумеет успешнее наладить свою деятельность, необходима более тесная связь с пролетарскими массами. Это уже осознают многие группы на местах. Так, например, тверская группа анархистов участвует почти во всех стачках, происходящих в их районе.

Социальная база КАС - это рабочие, студенты, трудовая интеллигенция. Есть и ветераны рабочего движения, пострадавшие в борьбе с тоталитаризмом - Н.М.Озимов из г. Черкасы, П.П.Сиуда из г. Новочеркасска и др.

Более левой организацией является наш Анархо-Коммунистический Революционный Союз. Но лишь создав организацию, укрепив связь с пролетариатом мы можем рассчитывать на успех, лишь только тогда мы с полным правом сможем заявить о себе как о революционном авангарде. Нам предстоит трудная задача - плыть против течения, не давая увлечь себя реакционным буржуазным потокам; нам необходимо восстановить завоёванные ранее идеологические позиции, щедро оплаченные кровью предыдущих поколений революционеров-анархистов. Пусть обыватель называет нас сектантами, догматиками и т.д. - нам это не страшно. История подтверждает нашу правоту. Не следует обращать внимание на кликушество обывателя, боящегося свободы, но должно готовиться к новому революционному скачку вперёд.

Наше кредо выражено в названии союза.

АНАРХИЗМ - как отрицание Государства и любых форм власти - источников эксплуатации, рабства и угнетения.

КОММУНИЗМ - как форма будущего справедливого устройства общества. Не тот казарменный коммунизм, который насаждали большевики, а свободный безгосударственный анархический коммунизм. Коммунизм без вождей и партий - этого вождистского болота, без эксплуататоров и эксплуатируемых; коммунизм, где всё принадлежит всем, а не чиновникам государства, где люди своим творческим трудом обеспечивают свои раскрепощённые потребности.

РЕВОЛЮЦИЯ - как средство достижения цели.

Делая ставку в будущей мировой революции на пролетариат, как на революционный класс, мы вовсе не идеализируем рабочих. Многие из них субъективно реакционны. Эксплуатация - это не чисто экономическое понятие, но и моральное. Государство изощрённо манипулирует сознанием людей. Нищая духовно, аморфная порабощённая масса - есть основа любой диктатуры. Духовное порабощение - вот, что вызывает рецидивы реакционности у некоторых пролетариев. Это вовсе не лишает пролетариат объективно революционной миссии. И если революции "локомотивы истории", то пролетарии их машинисты. Повышение сознательности рабочего класса прямо пропорционально революционной активности авангарда. Нам, как организации сремящейся стать им, необходимо иметь поддержку пролетарских масс. Рабочим должны быть понятны наши стремления; пролетарий должен же в конце концов понять, что лозунги, за которые он сегодня ратует, это лозунги анархические. "Заводы - рабочим, земля - крестьянам!" - лозунги анархо-син-

...дикалистские, а самоуправление – не что иное как отсутствие управления сверху, не указания сверху-вниз, а инициатива снизу-вверх, то есть анархия. Свободные люди управляют собой сами!

Нужно постоянно помнить и разъяснять другим, что нет смысла ждать пока власти "милостиво соизволят предоставить" в наше рабоче-крестьянское распоряжение земли и заводы. Не отдавали 72 года, не отдадут и ещё 720 – рабочие и крестьяне должны взять их в свою собственность сами! Те же рабочие, которые не пожелают встать с колен, составят отряд жалких отщепенцев – марионеток Государства, рекрутов для рабочей аристократии.

Защита интересов рабочего класса и крестьянства – дело чести организации, которая называет себя революционной. Создание такой организации – наипервейшая задача сегодняшнего дня. От нашей активности, от того насколько прочна наша связь с пролетариатом во многом будет зависеть радикальность масс в момент революции.

Чем активнее авангард, тем революционнее массы!

ДЕЙСТВОВАТЬ, А НЕ БОЛТАТЬ!

Д.Жвания.

АКРС, Ленинград

КОГДА МЫ БУДЕМ ХОЗЯЕВАМИ?

Мы – это те, кто все ценности и богатства создает своим трудом, а за свой труд получает жалкое пособие для полунищенского существования и положение бесправного тяглового скота, простые трудящиеся империи СССР. Ну, а насчёт положения хозяев, то что бы там ни говорили про усиление роли общества в жизни нашей страны, о человеческом факторе и т.д., пока наш удел только выполнять волю той кучки людей, которые в нашей стране решают всё за нас, как коменданты оккупационных войск решали всё за оккупированное население.

Самое грустно-забавное в этой ситуации это то, что большинство рядовых трудящихся в общем-то довольны этим положением. И, как правило, при этом исходят из следующего соображения: гораздо проще самим ни о чем, кроме своего сугубо личного, не думать и не решать как и что; за нас это решат те, кто поумней /начальник, партия, депутат и т.д./. Наше же дело маленькое, главное будь послушным, добросовестно работай и тебе всё дадут.

Не смотря на всю соблазнительность простоты и лёгкости такого образа действия – покорись, подчиняйся, никуда не лезь и у тебя всё будет – вся человеческая история доказывает, что это далеко не так; на самом деле, если отдал власть над своей жизнью кому-то другому, то взамен получил только нищету и рабство. Наглядным примером является наша родная советская действительность.

Очень часто можно услышать вполне искреннее утверждение, что народ не может обойтись без принуждения и управления. Народ, это, мол, все и никто, поэтому кто-то обязательно должен быть над этим самым народом, и какая-то кучка людей обязательно должна быть государями и олицетворять государство.

Учитывая, что народ – это простые люди, подавляющую часть своего времени занятые работой, бытовыми делами и им не до проблем чукотских оленеводов и т.д. то /если исходить из общепринятого в нашей стране административного устройства- всем руководят из Москвы, из областных центров и т.д./ тогда и в самом деле мысли о самоуправлении самих граждан – это чистой воды утопия. Как, вот, например, каждый из нас может принимать решения за министра химической промышленности или за начальника главка "Облтекстилькожа"? Для того, чтобы принять решения в масштабах области,страны нужно заниматься только этой проблемой/например, проблемой химпрома/. Всем людям это недоступно, им надо работать и т.д. Значит, тут,/при управлении из столицы/ нужны специалисты, которые всё за всех решат, всё всем укажут,и над всеми будут руководителями-господами, а народ, он как обычно должен быть не более, чем стадом тягловых баранов.

Со всеми этими соображениями, казалось бы, трудно не согласиться. Даже если все депутаты и руководители будут свободно и честно выбираемы народом, если все они будут хорошими и честными людьми, но/!/ все вопросы производства, строительства, обеспечения, образования, здравоохранения и пр. и пр. будут решаться в столице, в области, как это делается сейчас в СССР, то неизбежно руководители будут делать, организовывать все общие дела не так, как это нужно нам, простым людям, а так, как это требуется им. Очевидно, что народ просто не сможет их контролировать. И в таком случае решать всё будут все они, а мы хоть при многопартийности и полной выборности, хоть нет, всё равно останемся теми, за кого всё решают, то есть в конечном итоге, как это всегда было, бесправными и нищими.

Выход из такого тупика, вроде бы доказывающего невозможность самоуправления народа, очень простой. Надо, чтобы все вопросы жизни людей решались не где-то там в Верховном Совете СССР или далёком обкоме Рязанской области, размером чуть меньше Швейцарии, а на глазах самих людей, в том районе, городе, в той деревне, где живут эти люди.

Тогда, если в городе не хватает квартир, жители города смогут сами, не спрашивая ни у кого разрешения, на своём городском митинге или совете решить сколько нужно построить домов, учитывая все грядущие перспективы рождаемости и разводимости, чтобы всем хватило.

То же самое можно сказать и о здравоохранении. Если оно будет целиком и полностью финансироваться из местного бюджета и будет целиком во власти местных органов самоуправления, то надо думать, что сами жители, имея реальную возможность улучшить себе медицинское обслуживание, такой возможности не упустят.

То же и о снабжении городов и районов продуктами питания, товарами всех видов. Сейчас где-то в лабиринтах госплана, минторга и т.д. какие-то тёмные руководящие личности решают сколько какому городу выделить говядины, картошки, видеомагнитофонов и т.д., а местная торговля всегда может сослаться на то, что ей не выделили, не дали, а потому и спросу нет, поэтому наши совграждане привыкли даже и не спрашивать. И пока за нас кто-то там наверху будет решать сколько и чего нам нужно, мы, в конечном счете, всегда будем видеть либо малопригодные товары, либо отсутствие даже и таковых.

Торговые предприятия городов, районов и т.д. должны быть полностью подчинены воле населения этих населённых пунктов. Руководители магазинов и т.д. должны быть выбираемы и в любое время смещаемы своими покупателями. Тогда закупать для продажи населению они будут те товары и продукты, и в том количестве, которое необходимо жителям. Точно также и по всем другим вопросам жизни. Все, абсолютно все, что только возможно, из всех нужд и потребностей людей должно решаться на местном уровне, там, где люди могут сами всё увидеть, оценить, собраться и решить, выбрать и переизбрать любого исполнителя воли населения от военкома и начальника милиции до главврача и директора бани. Только тогда люди сами для себя смогут обеспечить себе наилучшие условия жизни какие только возможно сделать, исходя из возможного.

Население каждого города нашей страны держится в покорности в основном стоящими рядом с этими городами воинскими частями. Все эти воинские подразделения вполне могут быть заменены дежурными подразделениями из вооружённых жителей города, района, которые должны заменять своими отрядами и нынешнюю тюремно-казарменную армию и нынешнюю полицейскую милицию.

При постоянном, на протяжении всей жизни, совершенствовании воинского мастерства населением и охраной порядка самими местными жителями и обороноспособность, и общественный порядок будут обеспечены гораздо успешней, чем сейчас это делается ленивыми и корыстными наёмниками министерства обороны и МВД.

Много можно говорить об идеальном обществе, планировать его устройство. Но ясно, что однозначного решения не найти. Невозможно учесть все нюансы и особенности жизни многочисленных народов и народностей, живущих в нашей огромной стране. Именно поэтому анархизм никогда и никому не навязывал своих теорий обустройства жизни людей, но всегда полагался на инициативу и самостоятельность народных масс. Только сами, сообразно своей культуре, традициям и потребностям люди смогут устроить свою жизнь. Опыт истории убедительно показал всю бесперспективность постороннего вмешательства во внутренние дела стран, республик, регионов. Он же выдвигает на первый план требование людей на самоопределение и самоуправление.

А.Червяков. АКРС, Москва.

США, ШТАТ ТЕХАС.

ОКЛАХОМА - СИТИ.

Миссис ЭЛЛЕН МАК-КОРМИК.

Здравствуй, родная моя сестрица Алёнушка!

Пишу я это письмо, обливаясь кровавыми слезами, а в голове только одна мысль сверлит: какой я дурак, что с тобой не уехал. Помнишь, когда звала ты к себе на ранчо, я отказывался, похваляясь, что мне и здесь, после роспуска нашего колхоза землю дадут. Рано радовался! Участок дали на болоте, дороги к нему нет, трактора или другой техники у меня также не имеется, купить их не на что; а тут ещё лучшие земли вернули, приехавшей из Парижа правнучке графа Воронцова, которого от нас в 1917 попёрли. А у неё миллионы и трактора, комбайны и сеялки-веялки, и чёрт в ступе. Какая уж там конкуренция... Тут-то Петряков /наш бывший предрайисполкома, а теперь графинин управляющий и хахаль/ у нас всю землицу по дешёвке и скупил.

Делать нечего, решили мы с другом податься в город и, на вырученные от продажи земли деньги, открыть хотя бы сапожную мастерскую /обувной кооператив/, поскольку сейчас свобода торговли. Только сняли каморку, вещички разложили, как вломились пятеро и стали нас топтать. Вы, говорят, жидовские морды и буржуи, Россию продали и за это мы вас кончать будем. Напрасно кричали мы, что это всё враньё: не слушали проклятые, Федора до смерти замучили, а меня бросили искалеченного на свалку, подыхать как собаку. И что странно, нас разнесли, а банк Ротшильда напротив хотя бы пальцем тронули.

Оклемался я кое-как и пошёл работу искать. А где её найдёшь? Полжизни на бирже труда простоять надо, пока что-нибудь подвернётся. В первую очередь работу дают тем, кто члены профсоюза ОФТ-ВЦСПС! А меня и в профсоюз не берут как бывшего кулака. Месяц пробавлялся, пока не случилась новая беда. Встретил я на свою голову Ваську Сидорова, который нас в комсомол принимал. Еле узнал, поскольку возят его теперь не на "Волге", а на "Мерседесе" и рожа вдвое толще стала. Узнал меня Василий и говорит: "Что, Ванька, небось думали, что наше время кончилось? А оно только начинается. Я теперь не коммунист, а либеральный республиканец, коммерческий директор фирмы "Сайрус Итон-Технохим". Еду вот с банкета. Мы там с социал-демократами и национал-патриотами решали кто на выборах победит".

Не стерпел я, врезал Ваське в поросячью харю. Тут меня лягавые и скрутили, только что зажившие рёбра снова переломали и в КПЗ бросили. И получил я по суду присяжных 10 лет. А в лагере у нас тяжко. Работаем от зари и до зари. А едим один хлеб из опилок. Охрана бьёт, урки измываются, а пуще всех начальник лютует. При моём отце, говорит, вы тут по полгода выдерживали, а я вас, сучьих детей, за месяц в гроб вгоню!

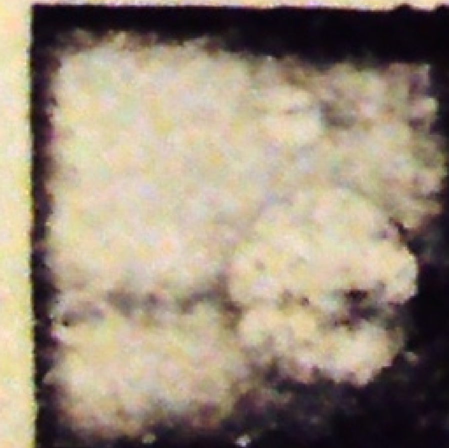
Милая Алёнушка! Вытащи меня отсюда поскорей. Хоть через посольство, хоть через "Эмнисти Интернэшнл", но только не через церковь, ибо местный митрополит нашему начальнику первый друг. Если уж совсем никак, то обратись к вашему новому президенту - Джесси Джексону,- он как негр может быть поймёт мои страдания.

Если же не дойдёт до тебя моё письмо, то сбегу из лагеря и буду бить всех гадов, пока сил хватит!

Твой братец Ваня.

Российская Демократическая Империя,
Воркутинская губерния,
КомиЛаг, барак № 1254.

26 января 1 9 9

Это письмо, случайно найденное АРИМ НЕРСЕСОВЫМ, ковырявшимся на городской свалке в поисках пропитания, убедительно доказывает, что у нас бывают случаи, когда отдельные работники Почтового департамента иногда не очень хорошо относятся к своим служебным обязанностям и допускают случаи потери корреспонденции.

КРИТИКА

СПИСОК
используемой литературы:

1. Статьи Кропоткина в "Былое", № 17
2. Д-р Эльцбахер: "Анархизм"
3. Л.Кульчицкий: "Современный анархизм"

Существуют учения, которые в силу различных обстоятельств не пользуются известностью, или, что ещё хуже, имеют незаслуженную дурную репутацию. Излишне доказывать, что злоупотребление или извращение понятий не может служить аргументом против /ab abusu ad usum non valet conseqentia/. В принципе любая хорошо развитая, т.е. внутренне непротиворечивая, система взглядов может найти применение при соответствующих условиях. Но любое учение, развиваемое или применяемое преждевременно или неполно, скорее всего будет скомпрометировано. Тем более неблагоприятны ситуации, когда довольно близкие по социально-политическим понятиям идеологии пытаются занять одну "экологическую нишу" истории. Это редко приводит к ассимиляции или сосуществованию. Подобные "соседи" чаще всего рассматривают друг друга как искажения собственного мировоззрения. В силу особенностей психологии это вызывает тем большую нетерпимость, и в результате одно из них выбывает. История судит по результатам, и тем легче впоследствии изобразить подобное явление как досадное заблуждение, не выдержавшее проверки жизнью. Именно это и произошло с классическим анархизмом.

Настоящие заметки не имеют целью дать какое-либо развёрнутое определение теориям и истории анархизма, тем более что разновидностей его достаточно много, а история богата событиями и вовсе не завершена. Однако необходимо по всем пунктам хотя бы краткого определения, принятого в настоящее время у советских идеологов, дать соответствующие разъяснения.

Итак, следуем по тексту философского словаря: "Анархизм - мелкобуржуазное социально-политическое течение, отрицающее государственную власть, любую политическую организацию общества".

Отметим, прежде всего, что само понятие общества уже означает наличие не организации, но структуры. Тем не менее, речь идёт об отрицании лишь принудительной организации. Классики анархизма /1; 3/ неоднократно подчёркивают, что общины и коммуны будут существовать на основе консенсуса. Это будет даже не специальное соглашение, а просто образ жизни, основанный на естественном сосуществовании. Никто не будет принуждаем к определённому образу жизни, но любой должен иметь полную свободу выбора общины, или, если соответствующей не отыщется, основать свою. Кропоткин убедительно показывает, что "во всех своих внутренних делах община... сумеет и сможет распорядиться сама, не создавая правительства"/1/.

Далее: "В политике А. означает авантюристическую тактику "прямого действия" и требование немедленной социальной революции".

Безусловная подмена понятий истинного учения его незрелыми и необоснованными извращениями. Все без исключения классики анархизма рассматривают с той или иной степенью подробности переходный период, считая его необходимым. Не считая различия в методах и сроках, серьёзные идеологи классического анархизма едины в этом. Что касается тактики, то она диктуется всегда конкретными обстоятельствами. Так, осуждая террор как таковой, авторы работ по истории революции с лёгкостью доказывают историческую необходимость "красного террора" в известный период. Что же касается террористических методов в принципе, то даже наиболее страстный борец Бакунин не проповедовал всеобщего террора и разрушения. Он признавал подобные методы лишь для применения непосредственно в процессе социальной революции. При этом "более человечно душить десятки, самое большее сотни ненавистных людей, нежели участвовать... в систематических убийствах и муках миллионов..." /Все знавшие его отмечают некоторую склонность к идеализации; в самом деле - погибли сотни тысяч, а далеко не одни лишь виновные. Многие исследователи считают, что он рекомендовал террор лишь для царской России, как деспотической монархии. Монархия, символизированная вполне определёнными фигурами, действительно более уязвима. Царь - знамя и

ОБЩЕПРИНЯТОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ АНАРХИЗМА

опора, выбить её - и покачнётся многое. Само по себе - мало, но в общем потоке революции - тоже существенно. Большевики это сделали./.

Далее: "В связи с ростом авторитета марксизма в рабочем движении после Парижской Коммуны появляется т.н. коммунистический А. В конце 19 - начале 20 века возникает анархо-синдикализм. Теоретическая основа А. - субъективизм, отрицание объективных законов развития, проповедь индивидуализма. Анархисты - противники пролетарской дисциплины и организации, которые абсолютно необходимы в борьбе за новое общество, они отрицают руководящую роль пролетарской партии".

Прежде всего следует отметить параллельный рост авторитета указанных учений, а также то, что многие анархисты /тот же Бакунин, Жаклар и др./ приняли самое деятельное участие в борьбе Коммуны, не говоря уже о восстаниях в Праге, Лейпциге и т.д./3/. Участие марксистов более скромно. Далее, именно расхождение во взглядах Маркса и Бакунина вызвали фактический распад I-го Интернационала /3, с.43/. Современники отмечают: "Представитель Маркса... в Швейцарии занялся собиранием материалов против Бакунина... все данные основывались на вымышленных или извращённых фактах... нелепых и низких упрёках... какая часть вины... ложится на Маркса, точно ещё неизвестно... Партия Бакунина составляла очень значительное меньшинство, выход которого сделал невозможным дальнейшее существование интернационала". Вот что говорят современники о "росте авторитета" и в чём этот рост выражался.

Если говорить об индивидуализме, то в нём можно заподозрить лишь Штирнера, которого можно считать анархистом лишь в том смысле, что он утверждал не власть на основе закона, а на основе личных качеств. Позже его бы назвали ницшеанином, он и в самом деле предвосхитил некоторые положения Ницше. Если же рассмотреть серьёзные работы, описывающие предполагаемое устройство общества будущего /Бакунин, особенно Кропоткин/, то мы убедимся, что они проникнуты духом коллективизма и морального коммунизма. Можно обратиться и к родоначальнику истинного анархизма Годвину, который утверждал главным принципом морали и этики действие каждого во имя всеобщего блага. Индивидуализм в смысле самостоятельности - да, но не в смысле эгоцентризма.

Что касается законов развития, то именно Кропоткин внёс ценное дополнение в науку. Говоря о законах Дарвина, он подчеркнул, что даже в животном мире, не говоря о человеческом, наряду с борьбой и конкуренцией существует взаимопомощь и альтруизм. Убедительно доказывается, что в противном случае вид или общество обречены на гибель. Он же неустанно повторяет, что смена эволюции революционными процессами и обратно является также естественным законом природы и общества. Таким образом, К. показал себя прекрасным учёным, не только дополнив известные законы, но и предвидя открытия последующих лет. Все без исключения классики А. уделяют большое значение проблеме реализации своих идей в чисто пркатических аспектах /кроме, пожалуй, Штирнера, см.выше/. /2, разделы 6 в главах 2,3,4,5/.

Анархисты - противники дисциплины? Снова спекуляция. В новом обществе свободных и моральных людей дисциплина - анахронизм, да. Но тот же Бакунин, будучи излишне идеалистом в вопросах теории, на практике организовывал боевые революционные группы в Италии, Франции, Германии. Он неоднократно подчёркивал, что в процессе борьбы это - вынужденная, но непреложная необходимость. Что же до пролетарской дисциплины, то ни у одного классика марксизма не указано, что дисциплина есть неотемлемое и эталонное свойство пролетариата. К тому же подавляющее большинство в рядах анархистов составляли пролетарии, а с.-д. партии включали в себя множество разночинцев, интеллигентов и даже дворян /В.И.Ленин, к примеру; или помещик по происхождению Ф.Дзержинский/. Любопытно, что в России наиболее восприимчивы к анархизму оказались матросы, которых называли гвардией революции. Неудивительно - из всех военных сил они были наиболее стеснены железной дисциплиной, огромной властью командиров. Именно поэтому большинство известных восстаний и возмущений происходило или начиналось на флоте /"Потёмкин", "Очаков", "Свеаборг"/. Вспомним Железнякова, объявившего конец Учредительного Собрания. Он и его брат принадлежали к анархо-коммунистам. Интересно, что впоследствии один отошёл к большевикам, а другой - к Махно!

далее: "Революция, в представлении анархистов, означает разрушение всех существующих форм общественной жизни, отказ от материальных и духовных ценностей, накопленных человечеством. Марксисты связывают социализм с развитием крупного производства; положительный идеал анархистов, как правило, сводится к реакционной утопии мелкого".

Никто и никогда не утверждал разрушения всех форм общественной жизни. Это невозможно вообще, так как означало бы прекращение существования человека как такового. ибо человек может вырасти лишь в обществе людей. Редко встречающийся случай Маугли /Феномен Локиса/ вполне подтверждает это положение. Анархисты отрицают насильственное, принудительное воздействие на человека, означающее ограничение его возможностей и подавление способностей. Кропоткин показывает, что, согласно истории, аппарат насилия и подавления, созданный с самыми лучшими намерениями, неизбежно приводит ко злу сам по себе, или попадая не в те руки /инквизиция; из новых времён - НКВД Сталина/. Но, чем ближе рассматриваемые формы к личности, личной жизни человека /клубы, кружки, семья наконец/, тем осторожнее становятся прогнозы и рекомендации. Здесь прежде всего возникают вопросы новой /или обновлённой/ этики. Недаром и Бакунин, и Кропоткин к концу работы занимались именно этим вопросом. Всё, относящееся более к интересам личности, а не общества - на усмотрение личности и личностей, непосредственных участников. Отказ от материальных ценностей? Никоим образом. Не отказ, а естественный поиск наиболее удобных форм их создания и справедливых способов распределения, не вызывающих необходимости в насильственной регламентации. Образцом для начала Кропоткин считал кооперативное движение, создание в его развитии коммун и производственных бригад. "Государство должно помогать кооперации, а не мешать ей",- подчёркивал Кропоткин ещё в 1921 году. Позже ростки кооперативного движения были растоптаны сталинским аппаратом, справедливо усмотревшим в них очаги самостоятельности, инициативы и независимости. Интересно, что в настоящее время, после десятилетий террора, давления, трагических ошибок и невосполнимых потерь, имперское руководство само пришло к необходимости создания кооперативов и бригад, расширению их прав и возможностей. Но сколько шишек пришлось набить, чтобы прийти к пониманию правоты Кропоткина, начинавшем это ещё в 20-х годах! До сих пор его теории и оценки упорно замалчиваются официальными идеологами. Ещё бы - придётся признать, что "разрушители" оказались на деле более толковыми и дальновидными строителями нового общества! Что касается крупного производства, то оно будет существовать на основе естественных связностей, как различные органы организма. Ведь клетки тела не получают заданий и не соблюдают кодексов - они живут естественным образом, обеспечивая при этом жизнь организма. Производство будет функционировать на основе естественного взаимодействия коллективов, бригад, групп, с естественной обратной связью на основе конечных результатов. Сам Кропоткин приводит в пример европейский союз железных дорог, которые, даже не будучи свободными и совершенными, нашли взаимовыгодный и взаимоприемлемый способ сосуществования. В переходный период, говорит он, придётся решать проблемы совместной обороны, но по мере распространения прогрессивных взглядов и правильного воспитания в обществах /этому вопросу уделяется большое внимание/, необходимость какой-то, пусть временной и вынужденной, организации и иерархии будет исчезать. Не следует путать путь к идеалу с самим идеалом, когда речь пойдёт о совсем других людях и в иной обстановке: "Реакционная утопия" - не аргумент, а ничем не обоснованный ярлык. Ведь любое крупное производство состоит из мелких, из системы мелких, вопрос в их взаимосвязи и взаимодействии. Иначе даже наличие отдельных цехов, а в них бригад - вместо неструктурированного объединения в одну массу можно трактовать как "утопию мелкого производства"! Именно заорганизованность нынешнего производства вызывает столько проблем. Кооперация же прекрасно решает свои задачи, не смотря на препоны от "всякой бюрократической сволочи" /определение В.И.Ленина/ и сейчас является просто примером мобильного и эффективного

производства.

Далее: "Для всех направлений А. характерно представление о государстве как об абсолютном зле. Ненависть... к буржуазному государству... А. переносит на любое государство, отрицая всякую государственную власть, включая и диктатуру пролетариата."

Опять-таки напомним, что не сразу и не повсеместно намечается отмирание государства как аппарата подавления. Диктатуру же, даже пролетариата, и классики марксизма считали мерой временной, на период самой острой борьбы. Именно диктатура и её обстановка породили зловещую фигуру Сталина, одержимого манией величия и выдвинувшего убийственный тезис усиления классовой борьбы по мере приближения к коммунизму! Согласно этому, борьба обострялась бы до последнего человека, и коммунизма достигли одни покойники. Пора отбросить, как безусловное зло, наследие тех времён, времён кровавого, казарменного, фашистского коммунизма. В наше время духовный наследник Сталина Мао Дзе Дун показал всему миру "эффективность" подобного подхода. И сейчас ещё в КНР оправляются от последствий. В СССР казарменно-бюрократическая система тоже ещё весьма сильна. Кропоткин предупреждал ещё в 1903-1906 годах: "От трудящихся всех стран и вас зависит - будет ли грядущая революция дальнейшим этапом по пути к свободе, или человечество повторит эту вечную ошибку, поставив над собой вечных властителей, и жизнь снова вернётся в старое русло." "Совершить социальную революцию путём диктатуры и власти невозможно, нужно широкое сотрудничество рабочих и крестьян для выработки вольных форм новой хозяйственной жизни... солидарность и взаимопомощь - эти великие двигатели прогресса - заменят принудительное начало, царящее в современном обществе, и только тогда люди и народы всего земного шара смогут объединиться в одну великую семью равных и свободных."

Отметим напоследок мнение Кафиеро /друг Бакунина/: "Общее обладание орудиями труда... несомненно повысит его результат. ...сохранить государственную организацию при коммунизме было бы ...усилением деспотизма, который тогда получил бы ещё большую силу экономическую."

Что и произошло.

Марк Туллий.

ЛИСТОВКА ТВЕРСКИХ АНАРХИСТОВ

Забастовка - это всегда маленькое восстание. Забастовка начинается тогда, когда чаша терпения переполнена, когда попытки договориться по-хорошему не дают результатов. Поэтому право на забастовку, даже там, где оно узаконено государством, есть ОСОБОЕ ПРАВО. А положение предприятия, на котором прекратилась работа, есть ОСОБОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Забастовка есть крайнее средство, с помощью которого трудящиеся получают возможность настаивать на поставленных требованиях. Поэтому решение о проведении или прекращении забастовки не может быть принято руководством без одобрения большинства трудящихся.

Забастовки могут быть разного рода. Это может быть бессрочная боевая забастовка, продолжающаяся до тех пор, пока одна из борющихся сторон, трудящиеся или работодатель, не уступит требованиям другой. Это может быть ограниченная во времени демонстративная или предупредительная забстовка, цель которой демонстрация готовности трудящихся к бескомпромиссной борьбе и предупреждение администрации предприятия.

В практике трудовых конфликтов применяются забастовки-симпатии, когда присоединившиеся к стачке рабочие и служащие ничего не требуют для себя, но своей забастовкой оказывают поддержку справедливым, по их мнению, требованиям основных забастовщиков

Нередко забастовки сопровождаются оккупацией бастующим персоналом территории предприятия с целью недопущения к работе тех, кто не желает бастовать и кого называют "штрейбрехерами".

Высшая, наиболее мощная форма забастовки - это всеобщая стачка, останавливающая всю производственную жизнь целой страны. Всеобщие забастовки, даже если они вызваны недовольством экономическим, неизбежно приобретают политический характер, так как направлены не только против отдельных предприятий, а против внутренней политики государства в целом. Удовлетворение выдвигаемых в ходе всеобщей забастовки требований неизбежно означает изменения в самом устройстве общества. Проведение всеобщей забастовки предполагает организацию митингов и демонстраций, разъясняющих её цели и задачи, критикующих существующий порядок и требующих определённых общегосударственных мероприятий.

Значение забастовок огромно, потому что сама их возможность заставляет работодателя прислушиваться к требованиям трудящихся и посильно идти им навстречу.

Метод забастовки является в руках независимых свободных профсоюзов мощным средством, гарантирующим сохранение социальной справедливости. Развитое общество без права трудящихся на забастовку просто немыслимо, причём это право означает отнюдь не привилегию профсоюзов, но прежде всего право самих трудящихся путём прекращения работы добиваться удовлетворения своих требований.

Забастовка - радикальное средство против самовластия хозяина, будь это частный предприниматель или государство. Недопущение её в "социалистических" странах есть несомненное свидетельство несвободы.

Право приниматься за ту или иную работу или отказаться от неё относится, конечно, к числу неотчуждаемых прав всякого человека и гражданина. Неверно, однако, думать, будто право на забастовку есть только право на произвольное прекращение работы в целях изменения условий, на которых она проводилась согласно договору. Забастовки исходят из ПРАВА ПРОТЕСТА, из ПРАВА НА ВОССТАНИЕ, которое ни у кого нельзя отнять по той простой причине, что

ЭТО ПОСЛЕДНЕЕ ПРАВО ВЗЯТЬ МОЖЕТ ВСЯКИЙ, НО ДАРОВАТЬ НЕ МОЖЕТ

НИКТО!

КАС - ТВЕРЬ - 1990 г.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Все страдания и муки прежних угнетённых трудящихся классов не могли дать полную свободу труженику потому, что слишком слабы были производительные силы, чтобы полное экономическое равенство, т.е. совершенно вольная организация труда, повело человечество вперёд, а не назад, и потому, что слишком не развит был трудящийся класс, чтобы сам взять на себя руководство производством. Постоянно нужен был специальный организатор. Но, организуя производство, организаторы неизбежно становились во главе его: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ первенство рано или поздно приводило их к политическому господству, к КЛАССОВОЙ ДИКТАТУРЕ. Разве первобытный патриарх не был общественно-полезной, необходимой личностью в производстве? А из мирных патриархов выросли греческие и римские аристократы. Разве могло обойтись европейское общество без глубоко-полезной деятельности феодалов-помещиков, которые в начале средних веков строили мельницы, дороги, охраняли мирных тружеников и жили не лучше последнего из работников? А они с течением времени превратились в самую подлую, чванливую, бесполезную и деспотическую касту. А наша развратная, разнузданная, жёлтая буржуазия? Разве она не родилась в лоне мирных городских мастеров? Вся история неопровержимо убеждает нас в том, что, где есть организаторская группа, рано или поздно создаётся экономическое неравенство, которое необходимо увенчается политическим господством организаторов.

Только вольная, анархическая организация общества не даёт места зарождению новых угнетающих классов. Но только капитализм впервые создал условия для полного освобождения рабочего класса.

Современные гигантские орудия сделали труд в тысячи раз производительнее. Любая страна теперь производит или может производить столько продуктов, чтобы удовлетворить даже потребности в роскоши всего общества. А рациональное земледелие может прокормить в сотни раз больше населения, чем наличное. Только абсолютное невежество или слепая преданность интересам господствующего класса может отрицать тот факт, что современные грандиозные производительные силы вполне сделали возможным коммунизм.

Но что сказать о наших путях сообщения, театрах, музеях, университетах, клубах? Сколько умственных и художественных наслаждений смогут они доставить освобождённому человечеству? Да, только теперь есть материальная основа для полного освобождения труда, для полного освобождения святой человеческой личности.

Капитализм сделал ещё больше: он создал ту общественную силу, которая может и должна взять на себя задачу разрушения буржуазного общества - он создал современный пролетариат. И не только создал, он сам разбудил его сознание и толкнул его на дело классовой организации. В сущности капитализма лежит тенденция - уравнять всех пролетариев перед деспотической волей капитала. Один и тот же рабочий день, одновременное начало и прекращение работ, одна и та же дисциплина, один и тот же эксплуататор, почти одна и та же плата! Всё это невольно развивает у рабочих идею солидарности их интересов, будит взаимное братское сочувствие. К тому же капитализм концентрирует промышленный и торговый пролетариат в нескольких местах и этим неизмеримо увеличивает его силу, делает его господином промышленных центров и, можно смело сказать, господином даже всей страны.

Общая работа, общая борьба, общие страдания создают в пролетариате благородные мечты и сознание о его великом общественном значении и высокой исторической миссии. И сознание это растёт параллельно развитию капитализма.

Когда капитализм ещё слабо развит, он представляется чем-то случайным и временным. Случайный и временный характер носит борьба пролетариев. Мы видим тогда только отдельные вспышки рабочих часто по поводу ничтожных пустяков. На этой стадии капитализма рабочие борются совершенно стихийно. Они не имеют никакого представления о социальном антагонизме. Их тяжёлое положение им кажется делом злоупотребления хозяина или мастера. Понятно, что им и в голову не приходит мысль о какой-нибудь рабочей организации для охраны их интересов: ведь об этих интересах своих они имеют крайне смутное представление. Для устранения того или иного хозяйского "злоупотребления" кажется достаточным хорошенько наказать виновника: нужно сжечь фабрику, машины сломать, убить хозяина, постоянная организация - излишня.

Но дальнейшее развитие капитализма делает общими условия труда и положение рабочих в целом ряде предприятий, целой отрасли промышленности. Отдельные частные мелочи отступают на задний план, первенствующее значение для целых масс рабочих приобретают их общие условия работы и общие муки эксплуатации. Наступает время массовых или частичных стачек. Тогда подкапывается прежний, наивный утопический взгляд на капитализм и социальные отношения, впервые созревает идея о солидарности рабочих, по крайней мере о их профессиональной солидарности. Стихийные стачки сменяются сознательными. Создаются боевые рабочие профессиональные организации.

На последующей стадии развития капитализма, с полным торжеством крупного производства, машина железными цепями приковывает работника к капиталисту, хозяину и повелителю страны. Общество превращается в одну чудовищную фабрику, где повелевает один и тот же капиталист, угнетён и задавлен один и тот же рабочий. Ссоры между отдельными группами эксплуататоров всё больше исчезают. Промышленные капиталисты, купцы, финансисты и землевладельцы превращаются в одну массу, один сплочённый класс, живущий соками рабочих. Но и среди рабочих исчезает рознь, отмирают различия и соперничество обученных и необученных тружеников, интеллигентные работники превращаются в настоящих пролетариев. Теперь борются не отдельные группы рабочих с отдельными капиталистами: это воюет Пролетариат и Буржуазия, Труд и Капитал. На этой ступени развития создаются громадные национальные и международные союзы рабочих и зреет мысль о единой всемирной организации труда. Это эпоха генеральных стачек.

Что же будет дальше?

Нужно быть слепым, чтоб не видеть, как на горизонте вырисовывается уже новый и последний фазис борьбы рабочего класса.

Посредством генеральных стачек, в рамках существующего строя можно добиться 8-ми или даже 7-часового рабочего дня, можно значительно повысить плату. Но дальнейшее совершенствование техники, рост армии безработных, выступление на арену новых капиталистических конкурентов, кризисы, повышение цен на предметы первой необходимости, рост налогового бремени, сведут почти к нулю материальное значение завоёванных улучшений. Рабочие необходимо должны натолкнуться на барьер - на капитализм. Они должны тогда понять, что дело не в капиталистах одной страны или всего мира, а в самом капиталистическом строе. Тогда непосредственной целью борьбы станет социальная революция, программой дня - уничтожение частной собственности на все средства производства.

Таким образом пролетариат своей революцией устранит основную ненормальность современного общества - частную форму присвоения при общественной форме производства, частную собственность на почве коллективизма.

Но какова же будет форма собственности на предметы потребления? Останутся ли они частной собственностью или также станут собственностью всех? Иначе говоря, будет ли в будущем только производство общественным или таким же станет и потребление? В этом и состоит спор между коллективизмом и коммунизмом.

КОММУНИЗМ НЕИЗБЕЖЕН.

Что лежит в основе коммунизма? Ясный и точный принцип: каждому по потребностям. Это значит, что все члены трудового общества имеют одинаковое право на удовлетворение всех своих насущных потребностей. Что современное общество сделало возможным коммунизм, об этом мы уже говорили. Нужно показать, что всякая другая форма невозможна, что коммунизм необходим. В самом деле, что говорит коллективизм? "Каждому по его труду", или, иными словами: "Каждому продукт его труда".

Какая жалкая утопия!

Каждому по его труду! Но как измерить количество труда отдельной личности? Каждая отрасль труда так тесно, так неразрывно связана со всеми остальными, что совершенно невозможно определить, какая доля продукта принадлежит каждой из них. Как распределить общественный продукт, над которым работали не две-три отрасли промышленности, а всё человечество не только в настоящем, но и в прошлом? Ведь в каждом продукте современного производства скрыто громадное количество труда прошлых поколений. Тем более, как определить, что принадлежит каждому члену общества?

Если мерой труда будет рабочее время, то как измерять рабочее время? Нужно ли признать, что все виды труда, все рабочие часы равны между собой?

Если все рабочие часы равны, то, при одном и том же рабоче

ные, все платы будут также равны. А это ведь просто означает, что каждый член общества будет иметь право на одинаковую долю общественного богатства? Это-то и есть окольное признание коммунизма, которого открыто добиваются анархисты.

Если же виды труда неравны между собою, то каким образом социал-демократическое начальство установит отношение между ними? Теперь это стихийно делает беспощадная конкуренция. Но она ведь исчезнет вместе с частной собственностью на средства производства. Кто же установит отношение между трудом ткача, портного и учителя? Кто и где найдёт критерий для оценки всех разновидностей человеческого труда? Никто и нигде, кроме произвольной законодательной власти.

Закон установит, кто, где, как и сколько должен работать. Закон же установит и отношения между всеми видами труда, то есть кто какую плату должен получать за свой труд.

Ясно, что из платы каждого работника государство будет вычитать: 1/ средства на содержание законодательной власти и исполнительных чиновников; 2/ средства на содержание неработоспособных; 3/расходы по поддержанию общественных учреждений; 4/ на вознаграждение свыше средней нормы тех видов труда, которые закон признает более сложными. Сколько нужно невежества или бесстыдства, чтоб утверждать, что при таких обстоятельствах каждый получит по своему труду! Ведь с таким же правом и современный буржуа может утверждать, что в буржуазном обществе каждый рабочий получает соответственно своему труду, соответственно количеству затраченной энергии.

Чем отличается тогда пресловутый коллективизм от капитализма? Рабочая плата остаётся нетронутой, рабочий день регламентируется законом, экономическое неравенство сохраняется, а, главное, в силе остаётся самый позорный институт современности - наёмный труд..... Что изменилось? По всей вероятности, плата несколько повысится. Вот и всё. Исчезнет ли безработица, этот бич работника? Нисколько. Ведь государство будет платить только за труд, который будет им признан общественно-полезным в данный момент. Поэтому не исключена возможность, что многие работники не будут иметь работы благодаря временному наплыву в ту или иную отрасль труда, ибо если государство будет платить каждому работнику за какую угодно ему работу, оно совершенно не сможет регулировать производства, не сможет предупреждать недопроизводства. Производство впадёт в такой бессмысленный хаос, который является не анархией, а её сквернейшей карикатурой.

Избегнуть этого хаоса государство сможет только двумя способами: или не платить излишним работникам и этим заставить их перейти в другие отрасли труда, где их рабочая сила нужна, или заставлять заниматься тем или иным трудом.

Первый способ вполне восстановит современный капитализм, второй идёт дальше и воскрешает все прелести рабства. Разница только та, что теперь работодатель или рабовладелец будет добровольно избран народом посредством всеобщего голосования, и их иго будет ещё прочнее, так как будет покоиться на фикции народного самодержавия. Снова повторяется историческая ирония, которая создалась когда-то в Риме, где римский пролетариат считался по закону владыкой мира, верховным господином всей земли, всех народов, а сам жил впроголодь подачками его собственных уполномоченных, государственной власти. Много общего сходного с Римской Республикой обещает нам будущая Социальная Республика. Коренное различие будет состоять только в том, что Римское Государство было построено на рабстве, а Социалистическое Государство будет основано на наёмном труде. Мы можем поэтому смело сказать, что коллективизм есть только дальнейшее развитие капитализма. Капитализм чувствует уже потребность в национализации земли. Национализация остальных средств производства исподволь совершается трестами. Коллективизм завершает этот стихийный процесс и передаёт все средства производства одному тресту, избираемому народом. Но как раб не стал бы свободным от того, что получил бы право избрания своего господина, так и наёмный рабочий остаётся современным рабом, хотя он получит право избирать своего работодателя.

Коллективизм есть только государственный капитализм. Рабочий станет вполне рабом своего хозяина - Государства, так как исчезнет единственное ограничение произвола современного капиталиста, именно: конкуренция между самими капиталистами. Государство будет единственным обладателем капитала, единственным работодателем и единственным обладателем власти. Власть хозяина, судьи и полицейского будет сосредоточена в руках одного чудовища - Государства, вездесущего и всесильного.

Понятно, что судьи, чиновники, вообще так называемые интеллигентные работники приобрели бы небывалое влияние. За феодальной аристократией ума и буржуазной аристократией золотого мешка - выросла бы новая аристократия, аристократия знания. Как ужасно было бы это иго, трудно представить себе теперь.

К счастью коллективизм является такой же реакционной утопией, как и феодализм. Новая Социальная революция покончила бы с этим новым видом рабства и осуществила бы тот общественный строй, который один только может быть прочным наследником капитализма, именно: полный коммунизм, т.е. общую собственность на средства производства и продукты потребления. Но коммунизм в экономической области неизбежно должен увенчаться анархией в области политической. Поэтому рядом с полным уничтожением частной собственности должно идти полное уничтожение Государства.

Новомирский. Манифест анархистов-коммунистов. Издание группы "Новый мир" 1905г. стр. II - 19.

ВЕТЕР АНАРХИИ

Дрожь по ногам и руки онемели,
Неясный страх, как битое стекло,
А мы с тобой ещё не всё успели,
Мой верный брат, ворвавшийся в окно.

Ты, ветер, мне сыскал по белу свету
Такую шумную и милую родню.
Ты, друг морей и друг поэтов,
Но враг тяжёлому, гнилому кораблю.

Я рву рубаху - душно у болота,
И глотку жжёт прокисшее вино,
Шла на тебя безумная охота:
Меч, стрелы, копья, пули - всё одно.

Бессильны были выстрелы и сети,
И волчьи ямы тоже рыли зря.
Ты анархист, ты брат мой, вольный ветер,
Свобода - жизни мать и мать моя.

Владимир Талхаев.
КАС, Иркутск.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

К сведению членов КАС.

На проходящей 27 - 28 января в Москве конференции представителей групп АКРС члены Тульской группы анархистов заявили о вхождении их группы в состав АКРС.

На конференции обсуждались вопросы печати, взаимодействия и взаимопомощи.

